

## КОНКУРС ИМ. П. И. ЧАЙКОВСКОГО. ПОСЛЕСЛОВИЕ.

## Не хлопайте. Аплодируйте!

И когда, пройдя через давку в очередях, через тряску в душном общественном транспорте, сквозь растопыренные локти и набитые авоськи, перешагнув через канализационную трубу перед входом, люди все-таки попадали в Большой зал консерватории, с ними происходила волшебная метаморфоза. Проблемы словно отходили на второй план, пропадая и растворяясь в музыке.

Парадоксальность была вовсе не в ее появлении — среди бытового хаоса и воинствующей прозы. В том, что благодаря ей хаос и проза вдруг обрели гармонию, зазвучали по нотам полуторавековой давности пронзительно, скорбно и успокаивающе. Люди плакали. Я никогда не видел столько плачущих и просветленных лиц. Ни на одном концерте. Впрочем, далеко не все зрители переживали подобные эмоции.

Начинался конкурс на миморной и безрадостной ноте. Музыканты-учредители, нет-нет, да впадавшие перед лицом неожиданных неприятностей в меланхолическую суеверность, говорили: даже созвездия ему не благоприятствуют.

Вплоть до последнего момента даже не было известно, где будут расселены участники. Ценой невероятных усилий удалось-таки получить места в нескольких гостиницах. Да и то — в одной не было горячей воды, в другой — тараканы, третья — далеко от центра. Знаменитый на весь мир конкурс оказался по разным причинам «неудобным» для ведущих оркестров страны. Объяснения этому у всех были, конечно, объективные и бесспорные, но факт говорил сам за себя.

И неудивительно, что поначалу музыка была почти не слышна. Конкурс собрал небывалое количество участников, и, пока выкристаллизировались лучшие из них, прошло немало времени. Д. Шафран, председатель жюри виолончелистов, объяснял: «Мы считали себя не вправе прерывать игру молодых музыкантов, даже если она была очень средней. Ведь для каждого из них неудача на таком конкурсе могла обернуться серьезной психологической травмой. Мы терпеливо слушали всех».

Публика таким грандиозным терпением не обладала. Аплодисменты, шиканье звучали своеобразным аккомпанементом для пьес Баха, Бетховена, Шнитке... Особо ретивые поклонники потерпевших неудачу конкурсантов пыта-

лись даже «освистывать» жюри.

И всякий раз, когда становилось стыдно, когда перехватывал недоуменные взгляды иностранцев, невольно спрашивал себя: почему? Почему в нашей полунищей стране, в которой даже человеческое достоинство перестало входить в число важнейших качеств, вдруг вырастают таланты мирового уровня? Почему сюда, за тридевять земель, в пучину «свинцовых мерзостей», съезжаются со всего света люди, и раз от раза число их становится все больше? Что видят они здесь такого, чего никак не можем осознать мы?

— Москва — это Мекка для любого музыканта. Я насколько не преувеличиваю, — объясняет профессор из Мюнхена Юрген Майер-Йостен, член жюри конкурса пианистов. — Именно здесь, как нигде, сохранились лучшие традиции высокого инструментального мастерства. Конкурс Чайковского стал trampлином для многих выдающихся музыкантов, оставивших нам истинные образцы в исполнении Чайковского, Рахманинова, Скрябина и Прокофьева. Этому лучше всего можно научиться только здесь, в России.

Вот так да! А как же расхожее мнение, что таланту места в нашей стране нет, что художники, музыканты обретают славу за рубежом, едва стоит им отсюда уехать? Выходит, есть еще чем гордиться? И в который уже раз свое, истинно великое, вынуждены мы постигать глазами иностранцев?

— Нет, проблемы, безусловно, еще есть, — продолжает профессор. — Желание сыграть лучше превращалось в желание сыграть громче и быстрее, чем соперники, очень у многих молодых исполнителей, в том числе и советских. Возможно, молодежь и получала от этого удовлетворение, но музыка, думаю, ничего не выигрывала. На предыдущем конкурсе этого, пожалуй, не было.

— А зритель? Изменился ли он?

— Изменился. Вы знаете, меня удивило, как у вас встречаются иностранцы. Выступает, например, пианист из Италии, гораздо слабее, чем его предшественник, ваш соотечественник. Пианист хорош собой, к тому же стучит по роялю очень громко, а в итоге — море цветов, аплодисменты.

Профессор, спохватившись, добавляет:

— В общем, и в Германии происходит примерно то же самое. Во всем мире число любителей классики гораздо меньше приверженцев рок- и поп-музыки. Другое дело, что в стране, где над людьми постоянно тяготеет проблема, как хорошо одеться, что есть, как вообще жить, думать о культуре трудновато...

А вот горькие и недоуменные слова члена жюри вокалистов М. Биешу:

— Наверное, ни один из видов конкурсной программы так не страдает от низкой культуры общества, как наш. Есть у нас прекрасные вокалисты, с хорошей школой, с чудными природными голосами, но оказывается, что сегодня этого уже мало.

Похожие чувства вызвал поначалу и конкурс пианистов. Д. Поллак, член жюри из США, назвал манеру конкурсантов «спортивно-силовой». Казалось, над музыкантом, сидевшим за роялем, висела, словно дамоклов меч, мысль о предстоящем лауреатстве, премиях, славе. Пальцы от этого будто быстрее бегали по клавишам, а вот музыка... музыка становилась все более серой и обезличенной. Впрочем, это и неудивительно: здесь, на конкурсе, молодые исполнители получали едва ли не единственную возможность быть замеченными в своей стране. И потому — играли «на публику».

И все же так было не со всеми. Были имена, которые звучали постоянно на устах у друзей и соперников. Именно те, кто, несмотря ни на какие обстоятельства и соображения, оставался по-настоящему верен Музыке, и приносили в спортивную атмосферу первых туров живую струю истинной духовности.

— Честно говоря, всякий раз, как приезжаю на этот конкурс, начинаю чувствовать себя по-настоящему человеком. На десять дней словно забываю обо всем, расцветаю душой и слушаю, слушаю, — говорит Е. Серкебаев, член жюри вокалистов. — А потом, возвращаясь домой, окунаешься в серое, повседневное бытие, и так — на годы, до нового праздника.

До Чайковского, до музыки ли нам сейчас? Действительно, не в самое лучшее время для всех нас проходил этот конкурс. К тому же — съезд, да еще и футбол. Атмосфера накаленная и явно не музыкальная. В этой спортивно-политической атмосфере выработался

даже в последнее время какой-то странный вид самоутешения: «не война ведь» — твердим мы сами себе. И забываем: война — это еще и взрыв эмоций, обостренное восприятие мира, музыки. А что сейчас? Отупение и беспредельная усталость.

Но вот парадокс. Именно та музыка, которая еще не так давно входила в разряд бытовых синдромов («Утро в сосновом лесу», конфеты «Тузик», телевизионные выступления психотерапевтов), сейчас зазвучала по-новому трагично и грозно. А ведь были времена, когда Чайковского, Чехова и многих других «сентименталов» заносили в разряд навечно устаревших. Что нового может открыть, скажем, «Осенняя песня» после всех ужасов нашей истории, после «Архипелага ГУЛАГ» и бакинских погромов? И вдруг — не замечаемые раньше трагические нотки и новый, просветленный взгляд на мир, который, казалось, замедлил свой безудержный полет в пропасть. Люди выходили из концертных залов, и порой в их глазах можно было увидеть такое...

И когда на третьем туре зал взрывался овациями — не «футбольными», а искренними, безудержными — становилось ясно, как всем нам сегодня не хватает красок, тепла, какие приносит в повседневность настоящая музыка. И конкурс Чайковского казался уже не просто престижным форумом, проходящим у нас лишь раз в четыре года. Это было новое ощущение жизни — это был момент святости.

...Недавно мне довелось помогать церковному дьякону в отдаленном районе Горьковской области перетаскивать старый колокол, найденный им на скотном дворе. Дьякон долго цупал широко растопыренными пальцами глубокие трещины в металле и потом, обернувшись ко мне, сказал: «Ты знаешь, я слышу, как он зазвонит». И в глазах его светилось нечто подобное тому, что я видел в концертных залах.

Наверное, главный итог конкурса — не в новых «звездах», не в громадном количестве участников, не в престиже, а в этих глазах. Может, и не стоило тогда писать про хамство, про канализационную трубу перед консерваторией, про общую неустроенность, которые уже у всех завязли на зубах? Может, только про мечту, про хрупкую, несбыточную надежду, которая родилась в эти дни?

А. ФОРТУНАТОВ.